

С. В. Кузьминых

О. Н. БАДЕР КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

УДК 929:902

ББК 63.401

В статье анализируется вклад О. Н. Бадера в развитие археологии медного и бронзового веков Восточной Европы. Рассматривается хронология исследований и эволюция взглядов ученого, дается периодизация его творческой биографии. В 1920–1930-е гг. он исследовал в центре Русской равнины памятники фатьяновской, балановской, поздняяковской культур и культур «текстильной» керамики, а в 1940–1950-е гг. изучал на Верхней и Средней Каме памятники новоильинской, гаринской и борской культур, могильники Турбино 1 и 2, Усть-Гайва. В 1960–1970-е гг. провел раскопки стоянки Сунгирь, опубликовал материалы Бала-новского, Турбинского и Сейминского могильников, а также камских энеолитических поселений. О. Н. Бадер является выдающимся представителем отечественной археологии XX в. Насущной задачей современной волго-уральской археологии является полноценная публикация значительной части полевых материалов О. Н. Бадера по раскопкам поселений бронзового века в Окском бассейне, а также Балабановского и Турбинского могильников.

Ключевые слова: *эпоха раннего металла, Б. С. Жуков, Антропологическая комплексная экспедиция, Камская археологическая экспедиция, Баланово, Турбино, Сейма, поселения гаринско-борского типа*

Русский немец Отто Николаевич Бадер (1903–1979) — воспитанник двух археологических школ. В 1-м Московском университете (1922–1926) первые шаги в археологии были сделаны им под началом В. А. Городцова. Классификация и систематизация материала, использование типологического метода для реконструкции древнейшего прошлого, построение культурной стратиграфии региона на базе опорных комплексов, а следом колонки культур — эти методические приемы городцовой школы прочно войдут в исследовательскую практику Бадера. Но более заметную роль в его научной судьбе сыграла палеоэтнологическая школа, сложившаяся при кафедре антропологии 1-го Московского университета, и ее лидер Б. С. Жуков. Лекции и семинары Б. С. Жукова по палеоэтнологии и палеоантропологии, В. В. Бунака — по антропологии и Б. А. Куфтина — по этнологии были направлены на то, чтобы сформировать у студентов комплексный — палеоэтнологический — подход к изучению археологических, антропологических, этнографических и лингвистических источников для восстановления облика древних культур. При этом Жуков обращал особое внимание на методику археологических — полевых и лабораторных — иссле-

дований, придавая «первостепенное значение привлечению геологических, палеозоологических, палеоботанических, палеоклиматических данных, фиксации стратиграфических разрезов в раскопках, точному подразделению и обработке вещественного материала по слоям, исчерпывающей фиксации бытовых деталей в раскопках и расположения материала по площади».¹ Созданные Б. С. Жуковым палеоэтнологическая лаборатория при Институте антропологии 1-го Московского университета и Антропологическая комплексная экспедиция (далее АКЭ) по Центрально-Промышленной области стали той научной школой, в которой произошло становление Бадера-археолога. Годы работы в АКЭ (1924–1929) под началом Жукова определили всю дальнейшую научную деятельность Бадера.

Уже в 1920-е гг. молодой ученый проявил себя как одержимый полевой исследователь, прошедший сотни верст и открывший десятки новых памятников на Оке, Верхней Волге, Унже и Ветлуге.² Он писал А. М. Тальгрену, что нередко завершал раскопки с первыми снежными метелями.³ В те годы Бадер самостоятельно и вместе с Жуковым обращался к разработке проблем неолита, бронзового

Кузьминых Сергей Владимирович — к.и.н., с.н.с.,
Институт археологии РАН (г. Москва)
E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

¹ Бадер О. Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. 1968. № 4. С. 236.

² См.: Крайнов Д. А. К 70-летию Отто Николаевича Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 6.

³ РОНБФ. Coll. 230.1. Бадер — Тальгрену, 8.12.1929.

и раннего железного веков Волго-Окского междуречья и лесного Заволжья, поскольку к этим эпохам относились основные памятники, раскопанные АКЭ.⁴ Через 40 лет, оценивая результаты работ АКЭ, Бадер отмечал, что «еще тогда, в конце 20-х гг., были выделены основные культуры и сформулированы некоторые положения, лежащие в основе наших современных представлений об окской бронзе».⁵ Предварительные итоги исследований АКЭ Жуков и Бадер опубликовали в журналах «Этнография» и «Eurasia Septentrionalis Antiqua».⁶ Несмотря на лаконичность статей, они, безусловно, стали этапными для своего времени и принесли авторам европейскую известность.

Б. С. Жуков, основываясь на анализе керамики и стратиграфическом распределении выделенных керамических комплексов, рассматривал процесс культурогенеза в Волго-Окском междуречье как последовательное автохтонное развитие культур, иногда усложненное мутационными скачками эволюции керамики и, в редких случаях, внешними влияниями и миграциями новых этнических групп. Примером влияния миграций являлись для него культурные комплексы Фатьяново, Поздняково и Малое Окулово 2 (могильник). Для последующего изучения проблем неолита и бронзового века лесной полосы Восточной Европы методические разработки Жукова оказались существенно более важными, чем сама картина модификации «керамических культур».

О. Н. Бадер при работе с окской керамикой эпох неолита, бронзы и раннего железа опирался на те же методические подходы, что и его учитель, однако к проблеме выделения археологических культур подошел скорее погородцовски. Неолитические поселения юга Волго-Окского междуречья были подразделены им на балахнинскую и мещерскую локальные группы, а памятники эпохи раннего

Отто Николаевич Бадер (1903–1979)

металла — на три последовательные культуры: волосовскую (Волосово 1 — Холомониha), поздняковскую (срубно-хвалынского типа) и культуру «текстильной» керамики (с кремневым инвентарем). Бадер наметил, пусть предварительно, отличительные черты, хронологию, характер взаимосвязей, динамику развития и исторические судьбы данных культур. Ему удалось решить и ряд, казалось бы, частных, но весьма важных для археологии Окского бассейна проблем. Благодаря его раскопкам выяснилось, что «текстильная» керамика, обнаруженная Городцовым в погребениях Младшего Волосовского могильника, попала в их засыпь из культурного слоя позднебронзового поселения.⁷

Работы Б. С. Жукова и О. Н. Бадера конца 1920-х гг. в корне изменили представления об эпохе раннего металла Волго-Окского междуречья. Особенно важные результаты принесли масштабные раскопки поселений с послойной фиксацией и полной выборкой керамики для последующей камеральной обработки. Это позволило им, пожалуй, впервые в отечественной археологии построить периодизацию, основанную на стратиграфическом распределении керамических комплексов поселений. Данный опыт стал шагом вперед по сравнению с предшествующими разработками В. А. Городцова и А. М. Тальгрена, которые при характеристике

⁴ См. об этих памятниках: Бадер О. Н. Балановский могильник: (Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М., 1963. С. 20–37; Он же. Памяти Бориса Сергеевича Жукова. С. 236; Он же. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. С. 8, 9.

⁵ Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. С. 10.

⁶ Жуков Б. С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1. С. 54–77; Joukov B. Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du métal en Europe du Nord-Est // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. T. 4. P. 61–81; Bahder O. Zum Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale // Ibid. S. 90–101.

⁷ См.: Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. С. 9.

окской бронзы, и прежде всего погребальных древностей, опирались на культурно-хронологические сопоставления с южными, восточными и западными культурами.

Выход на рубеже 1920-х и 1930-х гг. серии монографических исследований АКЭ мог бы стать важным событием в советской и европейской археологии. В начале 1929 г. были вычитаны гранки первого тома «Трудов» Ветлужской экспедиции. В середине лета Жуков сообщил Тальгрену о задержке выхода тома до конца года: «...из-за массы рисунков типография работает медленно».⁸ Подготавливалось также издание монографий Б. С. Жукова и О. Н. Бадера о поздняяковской и волосовской культурах и о Сейминском могильнике.⁹ Анонс первой из них уже появился на обложке одного из сборников.¹⁰

В 1929 г. Б. С. Жуков и О. Н. Бадер стояли на пороге качественно нового этапа исследований. Бадер писал в те дни Тальгрену: «Работа нашей лаборатории идет в этом году с большой интенсивностью. Из периода собирательских работ мы начинаем вступать в период осмысливания накопленных материалов...»¹¹ Но с арестом в 1931 г. Б. С. Жукова палеоэтнологическая школа МГУ лишилась лидера и перестала существовать как единый научный организм. Типографский набор ветлужского тома «Трудов» АКЭ был рассыпан, а сама экспедиция прекратила существование.¹² Археологические работы Института антропологии в 1930–1933 гг. были существенно свернуты.¹³

Подготовленные к изданию труды Б. С. Жукова и его учеников были опубликованы спустя 20 лет,¹⁴ но не в полном объеме и без авторства Бориса Сергеевича. Так и не вышли запланированные монографии о волосовской, поздняяковской культурах и культуре «текстильной» керамики. Имя и труды Б. С. Жукова упоминались в литературе, однако по дос-

тоинству оценить вклад ученого в изучение эпох неолита и раннего металла Русской равнины О. Н. Бадер смог только в 1960-е гг.¹⁵ Памяти учителя он посвятил книгу «Бассейн Оки в эпоху бронзы», замысел которой рождался в их сотворчестве в далекие 1920-е гг.

Грань 1920-х и 1930-х гг. — важная веха в научной биографии О. Н. Бадера, к тому времени уже известного ученого. Его обошли стороной репрессии и чистки, однако арест, ссылка и смерть Б. С. Жукова¹⁶ не могли не вызвать психологического надлома. Но внешне карьера Бадера в 1930-е гг. складывалась благополучно. Он на первых ролях в Институте антропологии; с 1933 г. одновременно служит в Московском отделении Государственной Академии истории материальной культуры (далее ГАИМК); много преподает на кафедре антропологии и на историческом факультете МГУ, на Высших музейных курсах НКП РСФСР. Среди его студентов тех лет — М. С. Акимова, М. И. Урысон, Т. С. Кондукторова, Ю. В. Кухаренко, И. К. Цветкова и др., а также погибшие на войне А. Давидович, Ю. Медведев, Т. Тралло и Р. Малевич, памяти которых он посвятил впоследствии книгу «Балановский могильник». В 1937 г. ему присвоена ученая степень кандидата исторических наук (по совокупности работ).

О. Н. Бадер стремился сохранить в работе с археологическими источниками верность методам палеоэтнологической школы Б. С. Жукова. Но поскольку «марксистская» критика самой школы и, в особенности, Б. С. Жукова¹⁷ прямо или косвенно распространялась и на его учеников, в трудах Бадера после 1929 г. термины «палеоэтнология», «палеоэтнологический» заменяются на иные — «археология», «археологический», хотя последние не были в чести в начале 1930-х. В то же время он не злоупотреблял характерными для тех лет определениями «доклассовое общество», «родовое общество» и др., но в качестве дани «социологам» ГАИМК термин «культура» иногда использовался им как условный, рабочий.¹⁸

⁸ РОНБФ. Coll. 230.11. Жуков — Тальгрену, 6.08.1929.

⁹ Там же. 15.01.1929.

¹⁰ Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е совещание палеоэтнологов Центрально-Промышленной области, 27–29 мая 1926 г. М., 1927. С. 93.

¹¹ РОНБФ. Coll. 230.1. Бадер — Тальгрену, 8.12.1929.

¹² См.: Бадер О. Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова. С. 236.

¹³ Збруева А. В. Пижемское городище // ИГАИМК. 1935. Вып. 106. С. 267.

¹⁴ Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. 1951. № 22. С. 110–158; Он же. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951. № 2. С. 15–41; Он же. Бассейн Оки в эпоху бронзы; Воеводский М. В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // МИА. 1951. № 22. С. 159–180.

¹⁵ Бадер О. Н. Балановский могильник. С. 21–24; Он же. Памяти Бориса Сергеевича Жукова.

¹⁶ Обстоятельства смерти Б. С. Жукова противоречивы (см. об этом подробнее: Формозов А. А. Статьи разных лет. Курск, 2008. С. 71–84).

¹⁷ См.: Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. 1930. Т. 7, вып. 3/4. С. 76–78.

¹⁸ См.: Бадер О. Н. Лихачевский могильник: (К вопросу о хозяйственной основе так наз. фатьяновской культуры) // СА. 1937. Т. 2. С. 27.

О. Н. Бадер, в отличие от ряда ленинградских коллег, а также своих сокурсников А. В. Арциховского, С. В. Киселева, А. П. Смирнова и А. Я. Брюсова, был далек от теоретических баталий и дискуссий тех лет. Благодаря этому его не коснулись «проработки» 1930-х гг. Ученого больше привлекала практическая работа с археологическими источниками и их публикация. Характерно, что в сборнике ГАИМК «Из истории родового общества на территории СССР» статьи О. Н. Бадера и М. В. Воеводского, а также А. В. Збруевой¹⁹ составляют раздел «Материалы», и они, безусловно, написаны в традициях палеоэтнологической школы Б. С. Жукова.

В 1930-е гг. О. Н. Бадер, стремясь сохранить основные направления работ АКЭ, организовал многолетние Окскую и Чувашскую экспедиции, а также продолжил начатые еще Жуковым раскопки и обследование стоянок палеолита и мезолита в Горном Крыму. В 1936–1939 гг. под его началом Азово-Черноморская экспедиция изучала памятники плейстоцена и древние изображения Каменной Могилы в Приазовье.

В 1932–37 гг. Бадер возглавлял Московско-Волжскую новостроечную экспедицию ГАИМК, а также 4-й отряд Верхневолжской экспедиции. Эти работы не принесли заметного пополнения фонда археологических источников по эпохе раннего металла Окского бассейна и не привели к пересмотру ранее изложенных им и Жуковым представлений об окской бронзе. Причиной тому, судя по всему, стала огромная занятость Бадера, существенное расширение хронологического и тематического диапазона его научных интересов и, вероятно, надежда передать проблематику эпохи раннего металла этого региона А. В. Давидовичу и Ю. М. Медведеву. Его ученики в предвоенные годы активно включились в изучение древностей бронзового века, были его ближайшими помощниками при раскопках Подборновского поселения на Оке и Балановского могильника в Чувашии.

Часть уникальных материалов из Баланова О. Н. Бадер издал в 1940 г.²⁰ Но оценка их в рамках своеобразной балановской культуры была сделана им уже после войны.²¹ К сожа-

лению, материалы из Подборнова остались неопубликованными, хотя долгие годы этот памятник играл ключевую роль при обсуждении проблем поздняяковской культуры. В те же годы Бадер раскопал несколько фатьяновских могильников (Протасовский, Икшанский, Мытищинский, Фатьяновский, Кузьминский, Тургиновский).

Среди печатных работ О. Н. Бадера тех лет²² выделяются две статьи, в которых обсуждается вопрос о хозяйственной основе фатьяновской культуры.²³ Вероятно, они были откликом на социальный «заказ», согласно которому изучение социально-экономической проблематики было признано важнейшим направлением исторических исследований. Бадер пришел к выводу о ведущей роли животноводства у населения фатьяновской и поздняяковской культур. Это заключение было вполне обоснованным, поскольку опиралось на археозоологические исследования. Другой его вывод — о вероятном знакомстве фатьяновцев с подсечно-огневым земледелием и о земледельческом характере носителей поздняяковской культуры — основывался на косвенных данных и в дальнейшем не получил подтверждения в специальных археоботанических исследованиях. В этих же работах фатьяновская культура рассматривалась как автохтонная, а поздняяковская — как пришлая, появление которой на Оке было обусловлено началом ксеротермического периода.

Годы Великой Отечественной войны стали тяжелым испытанием и для Бадера: ему пришлось повторить лагерный путь своего учителя Б. С. Жукова. К счастью, он выстоял и выжил. Война, ополчение, выход из окружения, лагерь в Магнитогорске, затем в Свердловске, спецотряд под Нижним Тагилом, а после войны — невозможность в течение десяти лет вернуться в Москву — все эти обстоятельства сломали привычный жизненный уклад и сложившуюся научную и педагогическую карьеру. Однако жизнестойкость и неудержимое стремление к археологической деятельности помогли ученому вновь обрести любимое дело.

После окончания войны и недолгой работы в Краеведческом музее Нижнего Тагила в 1946 г. Бадер был приглашен на должность

¹⁹ Бадер О. Н., Воеводский М. В. Указ. соч.; Збруева А. В. Указ. соч.

²⁰ Бадер О. Н. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланова в Чувашии // СА. 1940. Т. 6. С. 63–88.

²¹ Бадер О. Н. К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. № 1. С. 59–81.

²² Список печатных работ О. Н. Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 14–16.

²³ Бадер О. Н. Лихачевский могильник. С. 19–38; Он же. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла // ВДИ. 1939. № 3. С. 110–123.

доцента в Пермский государственный университет (далее ПГУ) для чтения курсов лекций по археологии, истории первобытного общества и этнографии. Начался пермский период его биографии. Волею судеб ученый оказался оторванным от археологических исследований на Оке, где за 17 полевых сезонов (1924–1940 гг.) был создан огромный задел источников. Все эти материалы долгие годы частями вводились в научный оборот, однако многие планы не удалось реализовать: не состоялись публикации поселенческих памятников эпох неолита и раннего металла, археологических карт Окского бассейна²⁴ и большой сводной монографии, задуманной в продолжение труда В. А. Городцова «Культуры бронзовой эпохи в Средней России».²⁵ Война лишила ученого университетской кафедры и учеников. В Перми пришлось все начинать сначала.

В Москву в ИИМК/ИА АН СССР О. Н. Бадер вернулся только в 1955 г. Это событие внесло коррективы в его научные занятия и планы: были возобновлены полевые исследования в Волго-Окском междуречье, начаты многолетние раскопки палеолитической стоянки Сунгирь, которые принесли ему мировую известность. Однако вплоть до начала 1960-х гг. полевые изыскания на Каме и связанная с ними проблематика оставались ведущими в научной деятельности Бадера.

Прикамье в археологическом отношении не являлось «белым пятном». В 1932–1937 гг. здесь проводились масштабные работы Камской археологической экспедиции под руководством А. В. Шмидта и Н. А. Прокошева и при активном участии А. В. Збруевой и М. В. Талицкого. После войны строительство Камской ГЭС возобновилось, и угроза затопления и подтопления огромного количества археологических памятников разных эпох в поймах Камы, Чусовой и их притоков стала реальной.

О. Н. Бадер понимал, что проведение значительных по масштабу работ в зоне затопления невозможно без организации многолетней экспедиции, но, приступая к ее планированию, он также ясно сознавал, что только личной инициативы здесь мало. Сделать ее коллективной — от лица всех археологов Урала — было призвано 1-е Уральское археологическое совещание. Оно прошло при

ПГУ в апреле 1947 г. и рекомендовало включить в план археологических исследований на Урале в 1947–1950 гг. организацию и проведение археологических исследований на новостройках, в первую очередь на Камской ГЭС. Путь к организации Камской археологической экспедиции ПГУ (далее КАЭ) — преемницы предвоенной экспедиции ГАИМК–ИИМК — был открыт.²⁶

Летом 1947 г. КАЭ начала широкие многолетние работы. Бадер в сжатые сроки решил две главные организационные проблемы — финансовую и кадровую. Основную роль здесь сыграло утверждение при ПГУ специализации по археологии и максимальное привлечение к работам экспедиции численно быстро растущей студенческой молодежи. Ядром новой специализации стал студенческий научный кружок по археологии Урала, который обеспечил КАЭ квалифицированными кадрами. Не сразу была решена финансовая проблема. Первые четыре года КАЭ работала на госбюджетные средства ПГУ, и лишь с 1951 г. удалось привлечь значительные ассигнования КамГЭСстроя. Благодаря этому существенно увеличились масштабы раскопок. Параллельно с разведками и раскопками в зоне затопления Камской ГЭС Бадер организовал поисковые работы в Среднем Прикамье, где намечалось сооружение Воткинской ГЭС. Основные раскопки в зоне затопления были осуществлены в сжатые сроки (1959–1960 гг.) Воткинской экспедицией Института археологии под его руководством. Высокая результативность этих работ стала возможной благодаря предварительным поискам КАЭ, которая обеспечила и кадровый костяк новой экспедиции.

Наиболее обширные материалы, полученные в ходе работ Камской и Воткинской экспедиций, относятся к эпохе раннего металла. Здесь следует отметить, что в 1950–1960-е гг. произошел прорыв в накоплении полноценных археологических источников. Большинство новых материалов (и старых — из раскопок А. В. Шмидта, Н. А. Прокошева, М. В. Талицкого) были очень быстро опубликованы в «Трудах» Камской и Воткинской экспедиций и в монографиях Бадера.²⁷ Понимание

²⁴ См.: Бадер О. Н. Краткий очерк археологических работ в довоенный период на Оке // МИА. 1969. № 169. С. 28.

²⁵ См.: Бадер О. Н. Балановский могильник. С. 3.

²⁶ См.: Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952) // Учен. зап. ПГУ. 1953. Т. 9, вып. 3. С. 5.

²⁷ Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99; Он же. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964.

необходимости оперативного введения в научный оборот новых источников исходило в первую очередь из негативного опыта Антропологической и Окской экспедиций, которыми Бадер руководил до войны, а также предвоенной Камской экспедиции.

К числу важнейших полевых достижений тех лет относятся раскопки Усть-Гайвенского и Турбинского 1 могильников — памятников сейминско-турбинского типа (далее СТ) — и более 80 поселений, которые в настоящее время объединяются в рамках энеолитических новоильинской, борской и гаринской культур и позднебронзовой ерзовской. Кроме того, на Вятке и Средней Каме были выявлены погребальные и поселенческие памятники балановско-фатьяновского круга. Все эти материалы стали базовыми для Бадера в трудах по эпохе раннего металла Прикамья и в целом лесной полосы Восточной Европы, обнародованных в серии статей, ряде книг и в докладе «Древнейшая история Прикамья», защищенных в совокупности в качестве докторской диссертации.²⁸

Суть концепции О. Н. Бадера заключается в признании связи СТ-могильников (Турбино 1 и 2, Усть-Гайва, Подгремячинская гора) с основной группой синхронных прикамских поселений, составляющих вместе с могильниками единую турбинскую культуру. В ее ареале было выделено два локальных варианта — усть-чувовской (пермский) и осинский, а в развитии культуры — два хронологических этапа — гаринский и борский — протяженностью от XVIII до XII вв. до н. э. включительно. В XI в. до н. э., по представлению Бадера, начинается финальный, ерзовский, этап бронзового века Среднего Прикамья. В регионе им была выделена, кроме того, новоильинская, или гагарская, группа поселений пришлого по происхождению населения, имеющих аналогии на западе, в бассейне Вятки и в Среднем Поволжье. Исследователь предполагал, что приход этого населения в середине II тыс. до н. э. обогатил турбинские племена умением плавить медистые песчаники и определил переход от гаринского к борскому этапу.

В основных чертах эта концепция сложилась с началом работ КАЭ,²⁹ еще до раскопок

Турбинского 1 могильника в 1959–1960 гг. Последующие изменения касались лишь хронологического соотношения могильников и поселений. Сначала Бадер считал, что Турбино 1 соответствует поселениям гаринского типа, а Усть-Гайва как более поздний могильник относится к концу гаринского этапа или, скорее всего, к борскому. После раскопок Турбина все могильники этого типа были отнесены к гаринскому этапу.³⁰

Происхождение бронз СТ-могильников Бадер связывал с разработкой сульфидных руд Урала и его восточных склонов. Из этого крупного центра древней металлургии медные изделия и слитки распространялись, по его мнению, далеко на восток и на запад. Благодаря связям с племенами шигирской культуры Зауралья, металл и изделия СТ-форм активно поступали в гаринское время в Среднее Прикамье и далее, вплоть до Оки. На борском этапе, как предполагал Бадер, прекратились тесные связи с Зауральем и началась разработка приуральских медистых песчаников, вследствие чего отпала необходимость в импорте шигирской меди и бронз.

Другим важным звеном концепции Бадера — еще на этапе ее формирования — являлось включение турбинской культуры в приуральскую, или СТ-культурную, область, которая протянулась от Среднего Урала до Сеймы на Оке и Галичского озера в лесном Заволжье. На западном фланге этой области ученый помещал сейминскую племенную культуру. Могильники раннего этапа, еще не обнаруженные, связывались с поздневолосовскими поселениями, а позднего (Сейма) — с большекозинскими (позднебалахнинскими). Волосовский этап сейминской культуры синхронизировался, соответственно, с гаринским этапом турбинской, а позднебалахнинский — с борским.³¹ В более поздних работах Бадера связь Сейминского могильника с поселениями большекозинского типа не подвергалась сомнению.³²

Культуры СТ-области (турбинская, волосовская, позднебалахнинская, галичская и др.) рассматривались Бадером как приуральские в своих истоках, сформировавшиеся на основе камской (волго-камской) неолитической культуры. В процессах культурогенеза эпохи раннего металла ключевая роль, по его мнению,

²⁸ Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье; Он же. Древнейшие металлурги Приуралья; Он же. Древнейшая история Прикамья: Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1963.

²⁹ См.: Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. С. 47–50.

³⁰ См.: Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья.

³¹ См.: Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. С. 57.

³² См.: Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. С. 58.

принадлежала волосовской культуре, срединной в этой области и имевшей генетические связи с турбинской культурой на востоке и с поселениями большекозинского типа — на западе. Бадер полагал, что появление волосовских древностей на Оке, турбинских — на севере и северо-западе вплоть до Карелии связано с миграцией финно-угорских племен из районов Волго-Уралья. Ассимиляция неродственного им населения культуры ямочно-гребенчатой керамики привела, по его мнению, к образованию однородной культурной среды от Оки до Урала, которая «обеспечила легкость распространения в ней и металлических уральских изделий, достигавших без переливки Нижней Оки и Галичского озера и бытовавших там во множестве».³³

Представления Бадера об эпохе раннего металла лесной полосы Восточной Европы, впервые со всей полнотой сформулированные в 1953 г., по сути, не претерпели существенных изменений при подведении итогов работ Камской и Воткинской экспедиций в начале 1960-х и в последующие годы. Пожалуй, лишь раскопки В. И. Матющенко поселения Самусь IV на реке Томь, в ходе которых было обнаружено большое количество литейных форм для отливки кельтов турбинских типов,³⁴ позволили Бадеру сформулировать гипотезу о существовании не одного, зауральского, центра, а нескольких центров СТ-металлургии в урало-самусьской историко-культурной области, которые снабжали своими изделиями культуры к востоку и к западу от Урала.³⁵

Эти представления нашли отражение в первой послевоенной зарубежной статье Бадера «Культуры бронзовой эпохи в Центральной России»,³⁶ — которая явилась продолжением его итоговой статьи конца 1920-х гг.³⁷ Спустя почти 30 лет в концепцию эпохи раннего металла лесной полосы Восточной Европы были

внесены два важнейших изменения — восточные истоки волосовской культуры на Оке и принадлежность Сейминского и Турбинского могильников к местным камским и окским культурам, известным по поселениям большекозинского (Балахна Б) и гаринско-борского типов. Бадер затронул, кроме того, проблему соотношения культур бронзового века — фатьяновской и балановской, срубной и поздняяковской. СТ-культурная область, генетически связанная с волго-камской неолитической культурой, а через нее — с уральским мезолитом, рассматривалась им как территория расселения древних финно-угров.

В 1960–1970-е гг. гипотеза о принадлежности СТ-некрополей местному прикамскому и окскому населению, чья материальная культура известна по поселениям гаринско-борского и большекозинского типов, вызвала решительную критику со стороны В. П. Шилова, В. А. Сафронова и Е. Н. Черных, отказавшихся от культурной идентификации указанных памятников.³⁸ Однако это не поколебало уверенности Бадера в собственной правоте. В 1975–1976 гг. он раскопал новый, Решенский, могильник на Оке, который, как и Сейму, отнес к культуре местных (большекозинских) племен. Ученый по-прежнему полагал, что «на пространстве между Решенским и Ростовкинским могильниками нельзя предполагать распространение единой культуры, а следует искать целый ряд локальных культур, родственных по происхождению или историческим судьбам; их родственность объясняла распространение сейминско-турбинских бронз на всем этом пространстве».³⁹

К числу данных локальных культур были отнесены поселения самусьской культуры в Западной Сибири, гаринского типа — на Каме, галовского — в Северном Приуралье,⁴⁰ большекозинского — на Нижней Оке. Сама мысль о том, что СТ-могильники на Каме и Оке не образуют культурного единства с поселениями гаринско-борского и большекозинского типов,⁴¹ казалась Бадеру неправдоподобной.

³³ Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. С. 57.

³⁴ Трактовка этих орудий как непосредственно турбинских была ошибочной. Они характеризуют более поздний этап металлообработки в таежной зоне Западной Сибири, а отливавшиеся здесь орудия были названы самусьско-кужировскими (см.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. С. 146–152).

³⁵ См.: Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. С. 172, 173.

³⁶ Bahder O. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland // Suomen Muinaismuistohdistyksen aikakauskirja. 1957. Т. 59, № 1. S. 1–40.

³⁷ Bahder O. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale.

³⁸ См. об этом подробнее: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Указ. соч. С. 8.

³⁹ Бадер О. Н. Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976. С. 45.

⁴⁰ Имеется в виду связь поселений типа Галово 2 с СТ-комплексом Канинского святилища.

⁴¹ См. об этом подробнее: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Указ. соч. С. 227–238.

В силу этого иные культурологические модели развития турбинской и сейминской культур им попросту не воспринимались.

Объединение памятников волосовского, гаринского, галовского типов и близкого к ним круга в рамках культурно-исторической области оказалось весьма плодотворной идеей, которая получила поддержку и развитие в трудах П. Н. Третьякова, А. Х. Халикова, В. В. Никитина и др. Иное дело — представление о камских истоках этих культурных образований, на чем настаивал Бадер. В настоящее время, по крайней мере, для волосовской культуры Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья установлено,⁴² что решающая роль в ее сложении принадлежала культуре ямочно-гребенчатой керамики, а не волго-камской неолитической. Но наиболее спорной в бадеровской концепции эпохи раннего металла представляется культурологическая модель СТ-области, которая объединила чужеродные в этнокультурном отношении Сейму и Турбино с гаринско-борскими и большекозинскими поселениями.

В 1950–1960-е гг. О. Н. Бадер продолжил разработку проблем, связанных с Балановским могильником и его местом в системе европейских культур шнуrowой керамики и боевых топоров. Перед войной он опубликовал материалы раскопок 1933 и 1934 гг.; но оставались неизданными материалы раскопок 1936 и 1937 гг., раскопок М. С. Акимовой 1940 г. и М. А. Бадера 1957 г. Работу по сведению этих материалов воедино О. Н. Бадер начал еще в Перми, предполагая издать книгу о Баланове в Чебоксарах. По возвращении в Москву он завершил эту работу к началу 1960-х гг. Итогом ее стала монография «Балановский могильник». Однако сама балановская проблема была обозначена в более ранней статье 1950 г.,⁴³ которая явилась своеобразным откликом археолога на палеоантропологические исследования. В ней Бадер впервые пришел к заключению о необходимости выделения особой балановской культуры в кругу родственных культур шнуrowой керамики и боевых топоров и поддержал вывод Т. А. Трофимовой о переселении балановцев на Среднюю Волгу из Закавказья. Курганные могильники типа Атликасы рассматривались им как переходные от балановской культуры к абашевской.

⁴² См.: Никитин В. В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996. (ТМАЭ; т. 4).

⁴³ Бадер О. Н. К вопросу о балановской культуре.

Спустя 12 лет О. Н. Бадер отказался от кавказской гипотезы происхождения балановцев в пользу северопричерноморской.⁴⁴ За эти годы балановские древности перестали быть культурой нескольких могильников Чувашского Поволжья. Значимым событием в археологии бронзового века Среднего Поволжья стало исследование серии стратифицированных поселений (Ош-пандо, Васильсурское, Кубашевское и др.). Балановская культура обрела «плоть» — надежную источниковую базу, что в итоге позволило О. Н. Бадеру, П. Д. Степанову, А. Х. Халикову и П. М. Кожину совершить в 1960-е гг. настоящий прорыв в ее изучении.

Монография «Балановский могильник» и более поздние труды 1970–1980-х гг.⁴⁵ венчают изыскания О. Н. Бадера по балановской проблематике. В этих работах сделано главное: опубликован дневник раскопок Балановского могильника, материалы других памятников и огромный массив случайных находок (прежде всего каменных сверленых топоров). В них рассмотрены также общие проблемы исторического развития балановских племен и вопрос об их культурном и антропологическом своеобразии, намечены периодизация и хронология поселенческих и погребальных древностей, выявлена территория их распространения, реконструированы система жизнеобеспечения и социальная организация носителей балановской культуры и намечено предварительное решение проблемы происхождения самой культуры.

Научные труды О. Н. Бадера, П. Д. Степанова и А. Х. Халикова и поныне являются основной источниковой базой для исследования балановской проблематики. В последние десятилетия изучение эпохи раннего металла Среднего Поволжья в целом заметно продвинулось вперед. В этой связи многие проблемы балановской культуры требуют иных решений и подходов. Среди них — периодизация и хронология балановских древностей, соотношение балановского и атликасинского культурных комплексов, а также их роль в процессах культурогенеза бронзового века. Исследование этих проблем сегодня активно ведется.⁴⁶

⁴⁴ См.: Бадер О. Н. Балановская культура // СА. 1961. № 4. С. 41–65.

⁴⁵ Бадер О. Н., Халиков А. Х. Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 76–84

⁴⁶ См.: Соловьев Б. С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000; Каменные топоры балановской культуры (Чувашская Республика) / Б. С. Соловьев, К. Карпелан, С. В. Кузьминых, Е. П. Михайлов. Чебоксары, 2014.

Однако их решение во многом сдерживается неполнотой информации о погребальных комплексах самого Балановского могильника.

В 1960–1980-е гг. О. Н. Бадер обращался к изучению самых разных вопросов эпохи раннего металла, но с открытием в 1955 г. стоянки Сунгирь проблематика каменного века, безусловно, стала основной в его полевой и исследовательской практике, и эти годы по праву могут быть названы сунгирским периодом в творческой биографии ученого. При этом Бадер планировал осуществить три весьма важных для себя проекта, связанных с эпохой раннего металла. Первый проект — публикация материалов Балановского могильника и балановской культуры в целом (во втором случае совместно с А. Х. Халиковым) — был реализован.⁴⁷

Второй проект, задуманный еще в 1920-х гг., заключался в создании сводного труда о бронзовом веке лесной полосы Восточной Европы и был задуман как продолжение исследований В. А. Городцова и А. М. Тальгрена. В целостном виде осуществить этот проект не удалось, за исключением историографического обзора изучения эпохи раннего металла лесного Поволжья, который является общим для планируемой монографии.⁴⁸ «Неподъемность» проекта Бадер признавал уже в начале 1960-х гг., когда приступил к его реализации в виде отдельных выпусков.

Своего рода проспектом задуманной монографии стала финская статья⁴⁹ и первая часть книги «Бассейн Оки в эпоху бронзы»,⁵⁰ в которых дан краткий очерк культур эпохи бронзы Волго-Окского междуречья. Именно с окской частью планируемого труда у Бадера возникли основные проблемы. Древностям бассейна Камы были посвящены книги о поселениях турбинского (гаринско-борского) типа и о Турбинском могильнике, а также большая серия статей. В то же время первоначальный план публикаций древностей Окского бассейна по прошествии десятилетий оказался нереальным: в полном объеме были изданы лишь материалы Сейминского могильника.

Третий проект был связан с подготовкой тома «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» в серии «Археология СССР». Работа над ним

началась в 1970-е гг. Ответственным редактором и составителем тома на первых порах был Бадер. Он же наметил структуру тома и авторский коллектив. Задача была не из легких. Кроме огромной редакторской нагрузки, ученый «взвалил» на себя написание разделов об энеолите всей лесной полосы Восточной Европы, о памятниках СТ-типа и об окружающих культурах, а также о балановской, поздняяковской культурах и культуре «текстильной» керамики. После кончины ученого весной 1979 г. том перешел в ведение Д. А. Крайнова и М. Ф. Косарева, которые в основе сохранили прежнюю структуру и довели монографию до издания. К сожалению, сам Бадер успел написать малую часть из задуманного. Тексты о балановской и поздняяковской культурах являются завершающими трудами ученого по эпохе раннего металла,⁵¹ а сам этот том — последним изданием, вышедшим под его редакцией.

О. Н. Бадер принадлежит в отечественной археологии к когорте «последних из могикан» с присущей для них хронологической и тематической «всеядностью», уже невозможной в наше время. Безусловно, сказывалось то, что он «работал в романтический период развития науки, во время ярких археологических открытий и бурного накопления археологического материала».⁵² И в юности, и в зрелые годы Бадер оставался одержимым полевым исследователем. В этой «всеядности» и одержимости заключаются как сильные, так и слабые стороны его творческого наследия.

Ученый раскопал за свою жизнь десятки, если не сотни археологических памятников самых различных эпох. Большую часть из них он успел обработать и ввести в научный оборот, какую-то часть, не связанную непосредственно с его научными интересами, передал для исследования своим ученикам и коллегам, но весьма значительная часть полевых материалов, особенно окских, так и осталась неопубликованной. Бадер — автор добротных монографий о таких всемирно известных памятниках, как Каповая пещера, стоянка Сунгирь, Сейминский могильник. В то же время работы о Турбинском и Балановском могильниках — ключевых памятниках бронзового века Восточной Европы — при наличии дневникового описания не дают пред-

⁴⁷ Бадер О. Н. Балановский могильник; Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры // САИ. 1976. Вып. В1–25.

⁴⁸ Бадер О. Н. Балановский могильник. С. 7–67.

⁴⁹ Bahder O. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland.

⁵⁰ Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. С. 3–78.

⁵¹ Бадер О. Н., Халиков А. Х. Балановская культура; Бадер О. Н., Попова Т. Б. Поздняяковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР). С. 131–135.

⁵² Бадер Н. О. Бадер Отто Николаевич (1903–1979) // Институт археологии: история и современность. М., 2000. С. 47.

ставления о самих погребальных комплексах. Их полноценная публикация является одной из насущных задач волго-уральской археологии.

Отто Николаевич Бадер — фигура во многом знаковая в отечественной археологии XX в. Безусловно, он принадлежит к числу ее выдающихся представителей. В личной судьбе и научном пути ученого переплелись все перипетии развития советской археологии

1920–1970-х гг. с ее положительными и отрицательными чертами. Его вклад в развитие археологии каменного, медного и бронзового веков Восточной Европы является огромным. Много из того, что он не успел довершить, реализуется ныне учениками его учеников. В памяти остается и обаяние личности О. Н. Бадера, благодаря которому в науку пришло несколько поколений российских археологов.

Sergey V. Kuzminykh

Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

O. N. BADER — THE EARLY METAL AGE SCHOLAR

The article presents an analysis of O. N. Bader's contribution to the development of the Stone, Copper and Bronze Ages archeology in Eastern Europe. The studies' chronology and the researcher's views evolution is considered alongside with periodization of his academic career. In 1920–1930s he studied the Fatjanovskaya, Balanovskaya, Pozdnyakovskaya culture sites, as well as the sites with “textile” ceramics in middle of the Russian Plain, and in 1940–1950-s he focused on the study of Novoiljin, Gari and Bor culture sites in the Upper and Middle Kama, and the Turbino 1 and 2, and Ust-Gaiva burial sites. In 1960–1970-s he studied Sungir occupation site, and published the materials from the Balanovsky, Turbinsky and Seiminsky burial sites, as well as the Kama Neolithic settlements. In conclusion the author emphasized that O. N. Bader was an outstanding member of the Russian archaeological research community in the 20th century. One of priority tasks of the modern Volga-Ural archeology is a full publication of a significant part of field materials from O. N. Bader's archives on his excavations of Bronze Age settlements in the Oka basin.

Key words: *era of the early metal, B. S. Zhukov, Anthropological complex expedition, Kama archaeological expedition, Balanovo, Turbino, Seyma, settlements Garinsky-Bor type*

REFERENCES

- Bahder O. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale [To the investigation of the neolithischen residential places in the Okatale]. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, 1929, vol. IV, pp. 90–101. (in German).
- Bader N. O. Bader Otto Nikolaevich (1903–1979) [Bader Otto Nikolaevich (1903–1979)]. *Institut arkheologii: istoriya i sovremennost – Institute of Archaeology: past and present*. Moscow: IA RAN Publ., 2000, pp. 44–47. (in Russ.).
- Bader O. N. *Balanovskiy mogilnik: (Iz istorii lesnogo Povolzhya v epokhu bronzy)* [Balanovsky burial: (From the history of the forest Volga region in the Bronze Age)]. Moscow: AN SSSR Publ., 1963, 371 p. (in Russ.).
- Bader O. N. *Basseyn Oki v epokhu bronzy* [Pool Oka in the Bronze Age]. Moscow: Nauka Publ., 1970, 176 p. (in Russ.).
- Bader O. N. *Drevneyshie metallurgi Priuralya* [Ancient metallurgy Urals]. Moscow: Nauka Publ., 1964, 176 p. (in Russ.).
- Bader O. N. *Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Materials and researches on archaeology], 1969, no. 169, pp. 22–28. (in Russ.).
- Bader O. N. *Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Materials and researches on archaeology], 1961, no. 99, 198 p. (in Russ.).
- Bader O. N. *Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Materials and researches on archaeology], 1951, no. 22, pp. 110–158. (in Russ.).
- Bader O. N. *Problemy arkheologii Povolzhya i Priuralya (neolit i bronzovyy vek)* [Problems of archeology of the Volga and Ural (Neolithic and Bronze Age)]. Kuibyshev: KGPI Publ., 1976, pp. 44–45. (in Russ.).
- Bader O. N. *Likhachevskiy mogilnik: (K voprosu o khozyaystvennoy osnove tak naz. fatyanovskoy kultury)* [Likhachevsky burial ground: (To a question of an economic basis of so-called fatyanovsky culture)]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1937, Vol. 2, pp. 19–38. (in Russ.).
- Bader O. N. *Mogilnik v urochishche Karabay bliz d. Balanovo v Chuvashii* [Burial ground in the natural boundary Karabay near of Balanovo in Chuvashia] *Sovetskaya arkheologiya*, 1940, Vol. 6, pp. 63–88. (in Russ.).

- Bader O. N. *K voprosu o balanovskoy kulture* [To a question of balanovsky culture]. *Sovetskaya etnografiya*, 1950, no. 1, pp. 59-81. (in Russ.).
- Bader O. N. *Drevnee Povetluzhe v svyazi s voprosami etnogeneza mari i ranney istorii Povolzhya* [Is more ancient than Povetluzhye in connection with questions of ethnogenesis of Mari and early history of the Volga region]. *Sovetskaya etnografiya*, 1951, no. 2, pp. 15-41. (in Russ.).
- Bader O. N. *Balanovskaya kultura* [Balanovsky culture]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1961, no. 4, pp. 41-65. (in Russ.).
- Bader O. N. *Pamyati Borisa Sergeevicha Zhukova* [Boris Sergeyevich Zhukov's memories]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1968, no. 4, pp. 234-237. (in Russ.).
- Bader O. N. *Ocherk shestiletikh rabot Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Sketch of six years' works of Kamsky archaeological expedition]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of the Perm State University*, 1953, Vol. 9, 3, pp. 3-87. (in Russ.).
- Bader O. N. *Vestnik drevney istorii* (Questions Ancient History), 1939, no. 3, pp. 110-123. (in Russ.).
- Bader O. N., Khalikov A. Kh. *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR: Arkheologiya SSSR* [The Bronze Age forest belt of the USSR: Archaeology USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1987, pp. 76-84. (in Russ.).
- Bader O. N., Khalikov A. Kh. *Pamyatniki balanovskoy kultury* [Monuments of balanovsky culture] *Svod arkheologicheskikh istochnikov – Code of archaeological sources*, 1976, no. B1-25, 168 p. (in Russ.).
- Bader O. N., Popova T. B. *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR: Arkheologiya SSSR* [The Bronze Age forest belt of the USSR: Archaeology USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1987, pp. 131-135. (in Russ.).
- Bahder O. *Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland* [Cultures of the Bronze Age in central soot country] *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja – Finnish Antiquarian Society's magazine*, 1957, Vol. 59, no. 1, pp. 1-40. (in German).
- Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. *Drevnyaya metallurgiya Severnoy Yevrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen)* [Ancient Metallurgy in the Northern Eurasia (Seima-Turbinsky phenomenon)]. Moscow: Nauka Publ., 1989, 320 p. (in Russ.).
- Formozov A. A. *Stati raznykh let* [Articles from different years]. *Kursk: KGMU Publ.*, 2008, 132 p. (in Russ.).
- Joukov B. *Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du métal en Europe du Nord-Est* [The chronological and local modifications of certain ceramic stone and metal cultures in North-Eastern Europe]. *Eurasia Septentrionalis Antiqua – Ancient Northern Eurasia*, 1929, Vol. 4, pp. 61-81. (in French).
- Kraynov D. A. *Pamyatniki drevneyshey istorii Evrazii* [Monuments of ancient history of Eurasia]. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 5-13. (in Russ.).
- Materialy k doistorii Tsentralno-Promyshlennoy oblasti: 1-e soveshchanie paleoetnologov Tsentralno-Promyshlennoy oblasti* [Materials for the prehistory of the Central-Industrial region: 1st Meeting paleoetnologov Central Industrial region]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey TsPO Publ., 1927, 93 p. (in Russ.).
- Nikitin V. V. *Kamennyy vek Mariyskogo kraya* [Stone Age Mari edge]. Yoshkar-Ola: MarNII Publ., 1996, 179 p. (in Russ.).
- Ravdonikas V. I. *Za marksistskuyu istoriyu materialnoy kultury* [For Marxist history of material culture] *Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii istorii materialnoy kultury – Proceedings of the National Academy of History of Material Culture*, 1930, Vol. 7, no. 3-4, pp. 76-78. (in Russ.).
- Solovev B. S. *Bronzovyy vek Mariyskogo Povolzhya* [Bronze Age Volga Mari]. Yoshkar-Ola: MarNII Publ., 2000, 264 p. (in Russ.).
- Solovev B. S., Karpelan K., Kuzminykh S. V., Mikhaylov E. P. *Kamennye topory balanovskoy kultury (Chuvashskaya Respublika)* [Stone axes Balanovskaya Culture (Chuvash Republic)]. Cheboksary: ChGIGN Publ., 2014, 102 p. (in Russ.).
- Voevodskiy M. V. *Kratkaya kharakteristika keramiki gorodishch Vetluga i Unzhi* [Short characteristic of ceramics of ancient settlements of Vetluga and Unzhi]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii – Materials and researches on archaeology*, 1951, no. 22, pp. 159-180. (in Russ.).
- Zbrueva A. V. *Pizhenskoe gorodishche* [Pizhensky ancient settlement]. *Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii istorii materialnoy kultury – Proceedings of the National Academy of History of Material Culture*, 1935, no. 106, pp. 265-297. (in Russ.).
- Zhukov B. S. *Teoriya khronologicheskikh i territorialnykh modifikatsiy nekotorykh neoliticheskikh kultur Vostochnoy Yevropy po dannym izucheniya keramiki* [The theory of chronological and territorial modifications of some neolytic cultures of Eastern Europe according to studying of ceramics]. *Etnografiya*, 1929, no. 1, pp. 54-77. (in Russ.).